

Левва

Было
в городе
на Каме

Рассказы и стихи

Левва

**Было в городе на Каме.
Рассказы и стихи**

«Издательские решения»

Левва

Было в городе на Каме. Рассказы и стихи / Левва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908948-9

Перед вами сборник небольших рассказов, основанных на воспоминаниях автора в широком диапазоне времени: от советского военного до последних десятилетий текущего. Автор в легкой, проникновенной, иногда иронической манере повествует о событиях, характерных для определённых периодов жизни нашей страны. Рассказы перемежаются лирическими, и не только, стихами, в том числе и детскими. Особой теплотой и грустью наполнены ностальгические воспоминания о родном городе автора — Чистополе.

ISBN 978-5-44-908948-9

© Левва

© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателям	6
БЫЛО В ГОРОДЕ НА КАМЕ	7
КАК БЕСПАРДОННО НАШЕ ВРЕМЯ	10
ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСТЬ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Было в городе на Каме Рассказы и стихи

Левва

© Левва, 2018

ISBN 978-5-4490-8948-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателям

Моим всепоглощающим увлечением с раннего детства было чтение. Самые сильные эмоции и самые глубокие впечатления были связаны именно с ним. Желание писать самой пришло позже на волне ностальгии по родному городу.

Мои первые читатели посоветовали их опубликовать, и я выбрала для этого крупнейший российский литературный портал Проза.ру, что оказалось большой удачей. Творческая атмосфера, доброжелательная поддержка со стороны авторов-читателей способствовали тому, что я не только расширила тему своих рассказов-воспоминаний, но и рискнула разместить некоторые стихи. И теперь всё представляю на ваш суд, уважаемые читатели.

Может быть, и я очень надеюсь на это, и вы вместе со мной вспомните многое из того недавнего, о чем я в этой небольшой книге поведала.

БЫЛО В ГОРОДЕ НА КАМЕ

Ах, какая радость ощущать себя в красивом платье! Необъяснимое ликование словно поднимает над землёй, и бежать – как лететь!

Вера подскакивает дважды на каждой ножке, будто в танце, легко преодолевая родные уличные кварталы. Вот и важная веха по дороге к речной пристани – Собор. Он попирает высокий берег на самом краю обрыва к камской пойме, величественный, как символ несломленного духа вопреки ужасным увечьям, нанесённым ему безумными богоборцами. Отсюда с кручи открывается вид на безмерную здесь водную гладь великой реки. Вера непроизвольно застывает на мгновение – каждый раз у неё перехватывает дыхание от необозримого простора с огромным, всегда другим небом, от красоты цветовой гаммы в сочетаниях голубого, синего, зелёного. Беспредельность свободного пространства, вольный воздух кружат голову.

Вчера перед сном мама наказала: «Завтра утром сбегаешь на пристань. Там где-то должны разгрузать соль. Может быть, насорят, просыпят – тогда собирай вот в мешочек».

Бабушка разбудила рано. На улице было зябко, ночной августовский туман замешкался на земле, хоронился понизу во дворе и на огороде, цеплялся за вишеник в саду, но небо просматривалось чисто-голубое, и солнце, хотя и невидимое за домами, уже пригревало.

– Кофточку тёплую надень – попробовала посоветовать бабушка, но Вера и слушать не стала: только платье! Самое нарядное – сатиновое, красное в белый горошек. Бабушка не понимает, что ли: ведь через центр города идти, а не во дворе со скакалкой прыгать, кур распугивать.

Зажав в руке небольшой мешочек, она вышла за ворота. Город бодрствовал всюду, кругом сновали озабоченные люди, и свои, и эвакуированные. Война! Новых людей нахлынуло множество и не откуда-нибудь, а из Москвы! Их легко можно узнать издали: и видом и речью они сильно отличаются от горожан.

У Собора улица заканчивалась; с крутого спуска мощёная дорога вела в речной порт. Скоро Вера миновала пассажирскую пристань и в поисках нужного грузового причала продолжила свой путь уже редким лесочком, сбежавшим с высокого берега к самой воде. Наконец, она вышла на небольшую полянку, где меж деревьев затаился одинокий, крытый брезентом грузовик. Задний борт был откинут, а по его боковым срезам, словно стражники, стояли два немолдых мужика. Третий суетился в кузове, заставленном тесно сдвинутыми толстыми мешками. Широкая грунтовая дорожка, утоптанная до гладкой твёрдости, вела от грузовика к близкому берегу, к воде, к деревянным сходням-причалу. К ним притулилась невеликая, потрёпанная временем баржа-самоходка.

Вдоль дорожки с одной её стороны на корточках сидели поодиночке три девочки приблизительно одного возраста с Верой. Она заняла такую же позицию с краешку. Осмотрелась: нигде на тропе не было ни малейших признаков просыпанной соли, девственно чистой была тропа. Где же собирать соль?

По дорожке туда и обратно двигались женщины. Поочерёдно они подходили к грузовику, поворачивались нарочито ссутуленной спиной к открытому его зеву, и мужики в четыре

руки наваливали на незащищенные их плечи толстенный мешок, заблаговременно выдвинутый мужиком сверху на край кузова. Придавленная чугушной тяжестью женщина делала несколько неверных шажков и, восстановив равновесие, начинала свой ход к барже. «Как это можно, спина же сломается!» – Вере стало страшно на это смотреть.

Носильщиц было три. Одна, самая старшая и высокая, торсом была грузновата. Вторая, помоложе, являла образец совершенно обычной, ничем не примечательной худощавой тётки. Но третья! Совсем молодая девушка, высокая, ладная и тоненькая! Нестерпимо было видеть, как на эту хрупкую фигурку взваливали страшную тяжесть, как девушка, чуть помыкавшись туда-сюда, выравнивала направление своего хода и с трудом переступая длинными стройными ногами, медленно осиливала дорогу к воде.

Освободившись от ноши, женщины брели обратно к грузовику за новыми мешками. Всё действие шло при абсолютном безмолвии участников.

За наблюдением происходящего Вера совсем забыла о цели своего прихода, как вдруг худая женщина, подняв на ходу правую руку к затылку, где покоился верх мешка, непостижимым образом проделала щель в сомкнутых его краях и резким движением корпуса сплеснула струю соли на дорожку. В одно мгновение девочки подскочили к россыпи и горстями стали собирать серые мутные кристаллы, ссыпая их в свою тару. Секунда-другая – и всё закончилось, они вернулись на свои места, как и прежде, в выжидательную позу. Вера ощупала свой мешочек: стакана два соли там осело. И она решила уйти, хотя разгрузка была в самом разгаре.

На душе было скверно, тяжело, стыдно почему-то перед женщиной за её нелёгкий манёвр ради них, сидящих в ожидании. «Что станет с девушкой, почему она пошла на такую ужасную работу?»

Поглощённая невесёлыми размышлениями, Вера дошла до Собора, но не поднялась в город, а предпочла плестись по пустынному берегу затона, вдоль самой кромки воды. Мешочек с солью, затянутый шнурком наподобие кисета, болтался у неё на запястье.

В прозрачной прибрежной воде шмыгали беспечные мальки. Так и тянуло пугнуть их по привычке. Бездумно Вера на ходу наклонилась к воде. Сделать следующий шаг не удалось: одна нога зацепилась за что-то, и хоть и взмахнула Вера руками – не помогло, мгновенное приземление «ласточкой» наполовину в воду, наполовину на мокрый песок было неизбежным.

– Платье!! Как же так? Во что оно превратилось?! Только не плакать, не плакать! – Вера силилась подняться так, чтобы не запачкаться дополнительно, хотя о чём уж было беспокоиться: вся она от плеч до сандалий впечаталась в мокрый песок.

– Откуда ты, прекрасное дитя? – вдруг раздалось над ухом, и одновременно крепкие руки подхватили её за подмышки и поставили на ноги. Совершенно растерявшаяся Вера подняла глаза. Юноша – старшеклассник. Лицо, голос, одежда не оставляли никаких сомнений – из эвакуированных. Интонация насмешливая, весёлая, и глаза смеются откровенно, синие, в мохнатых ресницах. Он стряхивал песок с её плеч и рук, дёргал и колыхал подол, напевая:

– Невольно к этим грустным берегам
Меня влечёт неведомая сила...

– Князь – еле слышно произнесла Вера.

– О, русалочки читают Пушкина?

И синими глазами – по лицу!! Как ударил! И трепет непонятный, никогда не испытанный прошёл по телу, и сжалось что-то внутри от боли щемяще-сладкой, и горло перехватило. А он вдруг отвел её растрепавшиеся волосы от лица и заглянул прямо в глаза: «Красивая девочка, оказывается! Ничего себе, город на Каме!» – и засмеялся невесело. Лицо исхудавшее, и словно впечаталась в него глубокая печаль. Вздыхнул, выпрямился, сделал шаг от Веры и внезапно наклонился: что-то поднял с земли.

– Не иначе, жемчуг? – опять весело-насмешливо: в руках у него был верин мешочек, целёхонький и сухой. Подошёл, навесил мешок на послушную её руку, секунду помолчал, глядя на неё, потом взял её голову в обе ладони, чуть отклонил назад и поцеловал Веру в лоб: – Будь счастлива, девочка!

Вера стояла, оглушённая новым чувством. Вот «князь» отвернулся от неё и сделал несколько шагов в обратную вериному пути сторону. И когда непонятная обида брызнула у Веры слезами, он вдруг обернулся и, улыбнувшись, помахал ей рукой.

* * *

Никогда больше Вера не встретила своего князя, хотя помнила всю жизнь.

Стало известно вскоре, что несколько старших мальчиков из эвакуированных добились отправки на фронт.

(11.03.2015)

КАК БЕСПАРДОННО НАШЕ ВРЕМЯ

Как беспардонно наше время!
В безумной скорости вперёд
Оно в случайном столкновеньи,
Как поезд на путях, собьёт
И в вечное зашлёт изгнание
С безмолвным в нём существованьем.

И не прочесть уже ни строчки,
Тем более – не написать.
Слов притягательных в цепочки
Не выстроить, не срифмовать,
Не выставить на честный суд,
Ума взволнованного труд.

Так я, узрев с овчинку небо
В сорокоградусном жару,
В сознаньи, вперемешку с бредом,
Представила свою судьбу.
И жалко стало мне до слёз
Слов, не написанных всерьёз.

Всё только в шутку, между делом!
Отодвигая на потом
Итоги заключений зрелых
О времени, пережитом
В эпоху жутких потрясений
С невольным пересмотром мнений.

* * *

Но бесполезно просветленье
При невозможности движений!
Лишь только возвратятся силы,
Все, что в уме провозгласила
Как заповедь для исполненья,
Опять подвергнется забвенью.

Жизнь, полная забот насущных,
Отринет мудрость предыдущих
Тревожных, невозвратных лет.
Опять рассудку места нет!
Опять – тревожные сомненья
И горечь жутких потрясений.

(18.10.2015)

ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСТЬ

Молодая осиновая рощица одним краем приникла к небольшому старому смешанному лесу, как бы в надежде на опору и защиту. На деле всё было наоборот.

В ветреную непогоду осинки сильно кренились, суматошно размахивая ветвями, вскидывали трепещущие листочки, обнажая их белые изнанки, словно сдаваясь на милость победителя. Но проходила буря, они с лёгкостью восстанавливали осанку и, как ни в чём не бывало, являли прежний беспечальный вид.

Не то было в старом лесу. Ни один, даже не слишком мощный шторм не проходил для него бесследно: с деревьев во множестве слетали хворостины, надламывались и висли вдоль стволов тяжёлые живые ветви, нагруженные листвой. Валились и сами гигантские деревья, повреждая на своём скорбном пути всё малорослое под собой. Ухода за лесом не было, обильно расплодились кустарники, позарастали многие из прежде существовавших троп.

И при выборе места под задуманную пасеку правление колхоза остановилось не на живописной, просторной, окруженной роскошными высокими деревьями поляне, единственно сохранившейся в старом лесу, а на скромной полянке, наверное, специально предусмотренной лесоводами, посреди молодой рощицы. Красотой она не блистала – вокруг сплошное осиновое однообразие, но зато можно было не бояться ударов стихии.

За сравнительно небольшим этим спаренным лесом во все стороны простирались поля, кроме одного направления, в котором, после небольшого, свободного от деревьев промежутка, начинался другой, но уже огромный смешанный лес. Колхозная деревня просматривалась среди полей километрах в трёх, пасека, таким образом, территориально была автономна. Редко-редко на ней появлялись посторонние люди – какие-нибудь комиссии из колхозного правления.

Хозяйство было скромным: с десятков колхозных и три собственных – пасечника – ульев. В качестве последнего пребывала моя двоюродная бабушка, отличавшаяся старорежимной честностью и непреклонностью, любившая и уважавшая пчёл, как мне казалось, больше всех на свете. При ней состоял ночной сторож, молодой, но совершенно немощный и предельно худой колхозный парень, будто просвечивающий насквозь и шатавшийся при ходьбе вследствие туберкулёза и хронического недоедания. Приплетшись на ночь и мирно переночевав, он исчезал с рассветом; одному Богу было известно, как он преодолевал километры дороги до леса и обратно. Для поддержания его жизнедеятельности бабушка подкармливала его своими нехитрыми разносолами: варёными овощами и разнообразно приготавливаемыми грибами. В качестве лекарства, по-видимому, единственного, ему перепадало и немного мёда. У меня не было ни малейшего сомнения, что, случись опасность, нашим общим защитником стала бы только бабушка, кстати, имевшая на вооружении немислимо допотопное ружье, доставшееся ей по наследству как семейная реликвия, наверное, ещё от знаменитого прадеда-помещика. Собаки не было.

На этой пасеке я состояла бессменным волонтером. Впервые меня привезли туда в пять лет на подводе в комплекте с магазинами для ульев и каким-то инвентарём. Рощица была совсем ещё юная и низенькая, вместе с ней росла и я. В ранние годы боялась оставаться одна, хоть это и случалось только днём. С годами страх ушёл совсем. Главной моей обязанностью,

но не единственной, была связь с городом. Хлеб и другие необходимые продукты и хозяйственные мелочи нужно было приносить оттуда. До города было семь километров, половина дороги – вдоль чужого, совершенно неведомого мне леса. Да ещё и до дома, мимо двух кладбищ, километра два. Транспорта не существовало. Бегать этот марафон мне приходилось раза два-три в неделю. Иногда дорога домой приходилась на совсем поздний вечер, и прибывала я туда уже затемно.

Это лето было последним военным. Народу везде сильно поубавилось, просто так шастать по полям и лесам было некому, характерным было полное безлюдье. Только однажды около чужого леса мне встретился не слишком взрослый, но мощный парень. Увидев, как я опасно облетела его по дуге, он усмехнулся и продолжил свой путь. Расстояния я преодолевала легко, ноги были отлично натренированы, тело обрело лёгкость и стройность.

Общаться на пасеке было абсолютно не с кем, альтернативой служило запойное чтение, напрочь исключавшее из сознания окружающий мир. Но будто было где-то говорено, что вроде есть подозрение, что в ближайшем лесу существует землянка, где скрываются якобы дезертиры. Мелькнула мысль, что в нашем лесу нашлось бы, где спрятаться. Мелькнула и растворилась.

Наше жилище состояло из совершенно крохотного, но вполне настоящего бревенчатого домика с двумя окнами на разные стороны. Крепкий плетень под общей с домиком соломенной крышей образовывал подобие сеней с калиткой, запираемой на ночь. Через них осуществлялся проход к двери в саму избушку. В светлое время суток обе двери обычно стояли нараспашку.

В один прекрасный день, когда нашего аники-воина и след простыл, бабушке потребовалось наведаться в правление колхоза. Она отбыла, а я беспечно сновала из хижины и обратно, пока не угомонила внутри её и не впила в очередную книжку.

Очнулась от мужского голоса. Подняла голову, и моим глазам предстало совершенно невероятное зрелище: в сенях, в шаге от дверного проёма в избушку стоял очень молодой мужчина, с обычным лицом и вполне нормальной статью. Поразила одежда – подобие лёгкого комбинезона светлозелёного цвета. Отметила подсознательно: комбинезон был в сенной трухе и в прилипших к нему выхолощенных гусеницах, но не грязный. Почему-то сразу возникли в памяти фрагменты фильмов с участием лётчиков – неожиданному гостю для полной аналогии не хватало только шлема с защитными очками.

От невозможности происходящего я впала в ступор и только, не отрываясь, во все глаза смотрела на пришельца. Какая-то тень омрачала его лицо. Он как-будто что-то обдумывал. Потом медленно сказал:

– Дай, девочка, пить!

Словно в гипнозе, я зачерпнула ему воды ковшом и протянула через порог. Он принял ковш, не сходя с места, выпил без жадности и сплеснул остатки на землю. Опять стоял в какой-то странной нерешительности, взглядывая на меня и тут же отводя глаза, а я, на расстоянии всего лишь двух протянутых рук, словно приросла к полу, по-прежнему не в силах оторвать от него взгляда.

Сомнения не оставляли его – это стало совсем очевидным, и внезапно меня пронзила острая к нему жалость. Какая-то боль стиснула сердце, а я продолжала смотреть на него прямо,

с неясной мукой в душе и всё так же молча. Неожиданно он дёрнул правой рукой кистью вниз, как обычно делают в сердцах, в досаде и, не произнеся больше ни единого слова, резко шагнул из сеней наружу. Что-то подсказало мне не бросаться вслед и не смотреть, куда он пошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.